

ИЗ ПЕРЕПИСКИ И. С. АКСАКОВА С ЭРН. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Публикация К. В. Пигарева

Вскоре после смерти Тютчева Аксаков начал работать над биографией поэта, которая увидела свет в октябре 1874 г. (И. С. А к с а к о в. Федор Иванович Тютчев. — РА, 1874, № 10). Закончив первые главы своего труда, он послал их Эрн. Ф. Тютчевой, что повлекло обмен письмами между ними. Оба корреспондента говорили не столько о написанных главах биографии, сколько о самом Тютчеве, о «значительности нравственной стороны его личности». Проницательные характеристики, которые дают ему самые близкие люди — жена и друг поэта, составляют неоценимое свидетельство, позволяющее глубже понять и оценить нравственный облик Тютчева.

Автографы публикуемых писем хранятся в *Собр. Пигарева*. Оба письма написаны на французском языке. Печатаются в переводе М. И. Б е л я е в о й (письмо Эрн. Ф. Тютчевой) и Н. И. Ф и л и п о в и ч (письмо И. С. Аксакова). Второе из этих писем дается в сокращении (опущены подробности, касающиеся состояния здоровья А. Ф. Аксаковой).

ЭРН. Ф. ТЮТЧЕВА — И. С. АКСАКОВУ

Петербург. 20 апреля 1874 г.

Иван Сергеевич,

я только что закончила чтение первой части вашего биографического труда о моем муже. У меня, разумеется, нет никаких критических замечаний, — более того: нет слов, чтобы выразить волнение, с каким я читала эти страницы, на которых вы излагаете жизнь, более тридцати лет мне столь знакомую — и столь дорогую. Впрочем, меня особенно привела в восторг вторая часть биографии, где вы анализируете его душу, его несравненный ум и где, наряду с гениальностью, вы отмечаете в нем необыкновенную возвышенность и необычайную тонкость. Мне нравится то, что вы говорите о смирении, которое составляло характерную черту его нравственного существа и, делая его безразличным к тому впечатлению, какое он производил на окружающих, сообщало несказанную прелесть и очарование всему, что он говорил и делал. И как вы правы, утверждая, что, несмотря на свою любовь к светскому обществу и удовольствие, которое он в нем находил, несмотря даже на потребность жить в свете, он тем не менее никогда не был светским человеком в точном значении этого слова. Это очень верно, и он никогда и никоим образом не приспособлялся к среде, в которой находился, — он оставался самим собой всегда и всюду — и, надо сказать, что он мог это делать, ибо в каком бы обществе он ни оказывался, его поразительный ум тотчас же ставил его выше всех, а он и не догадывался об этом или, по крайней мере, не доставлял себе ни малейшего усилия, чтобы достигнуть такого исключительного положения.

Я не кончила бы, если б захотела перечислить все, что взволновало и восхищало меня в вашем биографическом труде. Вы почерпнули в вашей возвышенной и искренней душе красноречивые слова, чтобы описать друга, которого больше нет. Никто, кроме вас, не смог бы рассказать о нем так, как это делаете вы. И, конечно, быть понятым вами, получить от вас признание, какое вы ему оказываете, — это то, что он предпочел бы превыше всего.

И. С. АКСАКОВ — ЭРН. Ф. ТЮТЧЕВОЙ

Москва. 24 апреля 1874 г.

Ваше письмо, милая, дорогая г-жа Тютчева, заставило меня испытать не просто удовольствие, но чувство несравненно более глубокое, более серьезное — чувство облегченной и успокоенной совести. Оно вознаградило меня за все труды и тревожения. Ибо надо сказать, несмотря на наслаждение, которое я испытывал, вглядываясь в нравственные глубины этого необыкновенного человека, стараясь понять натуру столь многообразно одаренную и столь сложную, изучая личность Федора Ивановича — мыслителя и поэта, — я вместе с тем не мог не убедиться, что задача моя — задача биографа — очень трудна. Нелегко было облечь в словесную форму все черты его дарования — столь тонкие, столь искусно, так сказать, отчеканенные рукой Творца, — дарования, исполненного и прелести и значительности, охарактеризовать в подобающих выражениях самые глубины его души, где сплетались воедино сила и слабость. Не доверяя собственному впечатлению, я с большим волнением ждал вашей оценки, ибо только у вас — мне это хорошо известно — хранится ключ от этой натуры, столь мало понятой светом, хотя он утверждает, будто знал его. Я убежден, что даже те, кто, так сказать, шел бок о бок с ним последние 30 лет его жизни, будут крайне удивлены откровениями, которые они почерпнут (не имея возможности их опровергнуть), — о значительности этого *Erscheinung* *, как говорят немцы, о глубине и мощи его ума, о смирении, которое было заложено в нем как неотъемлемая сущность самой его личности, как подлинная, единственная истина всего его бытия. Право же, оставаться скромным всю свою жизнь при всем могуществе выдающихся способностей, десятой доли которых хватило бы на то, чтобы оправдать в глазах всех не только тщеславие, но и самое безудержное высокомерие, — это не только заслуга, это нравственный факт, который имеет значение настоящего подвига, хотя внешне и не выглядит таковым, и который стоит многих добродетелей. Именно смирение позволило ему понимать многие истины, сокрытые от мудрецов века и открытые детям, ибо смирение в сочетании с мудростью, как раз эта особенность детства дополняет ограниченное понимание, свойственное человеческому разуму... Так вот, именно эту черту я хотел в особенности выделить, а также серьезность, значительность нравственной стороны его личности, которую очень недооценивали. Можете представить себе, как мне было приятно читать ваши теплые строки. Посылаю вам сегодня же четвертый лист, где пытаюсь охарактеризовать его как художника и как поэта и где я даю довольно подробный разбор его стихотворений (...).

* явления (нем.).